

УДК 801.4
ББК 81.2Р
В61

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

О т в е т с т в е н н ы е   р е д а к т о р ы :
К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева

С о с т а в и т е л и :
Е. А. Галинская, М. Н. Шевелёва

Р е ц е н з е н т ы :
доктор филологических наук С. М. Толстая
кандидат филологических наук А. В. Птенцова

Вопросы русского языкознания. Выпуск IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 248 с.

ISBN 5-211-03985-8

IX выпуск продолжающегося издания «Вопросы русского языкознания» включает статьи, посвященные исследованию фонетических особенностей различных русских диалектов на всем протяжении исторически обозримого периода существования русского языка — от древнейшей эпохи до наших дней. Материалом исследований послужили как памятники древней письменности, так и русские говоры в их современном состоянии.

Для специалистов в области современной и исторической русистики, преподавателей, аспирантов, студентов.

УДК 801.4
ББК 81.2Р

ISBN 5-211-03985-8

© Филологический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001.
© Галинская Е. А., Шевелева М. Н. — составление, 2001

И. Б. Качинская

**О ТВЕРДОСТИ/МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ
В ОДНОМ АРХАНГЕЛЬСКОМ ГОВОРЕ**

(ПО ДАННЫМ СОЛДАТСКОГО ПЕСЕННИКА 1904–1905 ГГ.)

В июле 1997 г. во время диалектологической экспедиции в д. Ямская Гора Шенкурского района Архангельской области был обнаружен солдатский песенник, который велся в 1904–1905 гг. Федором Николаевичем Семушиным, участником русско-японской войны. В рукописи на 76 листах (152 страницах) 75 текстов. В жанровом отношении сборник достаточно разнообразен. В основе его фольклорные произведения, большая часть которых связана с солдатским фольклором, несколько текстов посвящены событиям в Порт-Артуре, 8 текстов не являются фольклорными — например, завершается сборник Манифестом 17 октября.

Существование приписки с указанием «домашнего адреса» Семушина (*табель всехъ этихъ губере проежалъ этотъ стрелокъ 5и роты архангилскои губерны шенкурскаго уезда емскогорскаго волости*) снимает задачу поиска диалектной основы говора писца. В малограмотных записях составителя ярко отразилась диалектная фонетика и грамматика. Однако некоторые особенности письма трудно объяснить, исходя из современного состояния говора. К таковым относится обозначение мягкости-твердости согласных. Стоит ли за внешней неупорядоченностью передачи твердости/мягкости согласных языковая реальность?

В рукописи для обозначения мягкости *ь* используется редко: *мальчика, только, раньше*. Как правило, *ь* использован в сочетании с буквами *л, р и н*, в том числе и в случаях неправомерного употребления *ь*: *жилки, по дбодрылься¹, сольнышко, въ ея вольнахъ, долъге (дóлге), терьлабы, государства*; исключений всего несколько: *пѣсу, обѣвяза-ность, [на]родьнымъ, родьные, манифисъть*. В подавляющем большинстве примеров мягкость никак не обозначается: *малчикъ, болюои, изволте, горкими, денгами, писмо, господъ (господь), ветъ (ведь)* и мн. др. Из 132 употреблений *ь* бо́льшая часть приходится на конец слова, где эту букву следует рассматривать как небрежно написанный, «недописанный» *ъ*²: *въ статъ, померъ (умер), споръ (спор), какъ, врагъ*.

¹ Здесь и далее сохраняется словоделение автора: *по дбодрылься* – ‘подбодрился’.

² *ь* в документе выполняет функцию «запирающего» знака и употребляется как после твердых согласных (*солдатъ, якоряхъ, знаешъ*), так и после мягких (*здесь, дочь*), а в отдельных случаях подписан даже после гласной буквы (*волоγοцкаъ, некто незаъ плачетъ* и пр.).

Показательно в этом отношении слово *путьъ*, где *ь* подписан еще раз вслед за «неудавшимся». Имеются случаи употребления *ь*, совпадающие с традиционной орфографией. В инфинитиве: *быть*, *купить*, *спать*, в постфиксе *-сь*: *заворотилась*, *не таясь*, *пришлось* (в большинстве подобных примеров используется *ь*: *выпеть* (выпить), *обовуюсь*, *расирдилась*, *небуюсь*, *разбылась*). В остальных случаях: *иезь* ('есть', форма глаг. *быть*), *жизь* (жизнь), *жызнь*, *мать*, *на плошедь*, *зарусь*, *восемь*, *теперь*³.

Поскольку автор редко употреблял *ь*, эта буква не может рассматриваться как надежный показатель мягкости согласных ни на конце слова, ни в группе согласных. Можно предположить, что **указания на мягкость/твердость согласного содержатся в использовании последующей гласной буквы.**

В традиционной орфографической системе как показатели твердости/мягкости согласных последовательно (кроме особых случаев с шипящими и пары *э/е*) используются пары гласных букв *а/я*, *у/ю*, *о/е* (*ё*), *ы/и*.

В песеннике Семушина последовательными выглядят соотношения букв: *а/я*, *у/ю*, *о/е* (*ё*), соотношения *э/е* нет вообще, т. к. буква *э* не употребляется, из соотношения *ы/и* невозможно сделать корректные выводы о твердости/мягкости предыдущего согласного, т. к. в одних и тех же словах может встретиться как *и*, так и *ы*. Графические затруднения в выборе гласной буквы автор испытывает, таким образом, в основном в случаях обозначения твердости/мягкости согласных перед гласными переднего ряда. Для передачи <е> он использует только один знак (букву *е*), для передачи <и> — четыре знака.

Рассмотрим примеры.

1. Как мы уже сказали, соотношение букв *а/я*, *у/ю* отражает твердость/мягкость предыдущего согласного достаточно последовательно (*мдлчикъ*, *сабака*, *детина*, — *мягко*, *себя*, *песня*; *ручке*, *служивои* — *рюмочки*, *любуются* и пр.). Некоторые случаи представляются описками: *борбѧ*, *ребятѧ* (ребята), *постелѧ*, *висѧли* (весело), *песнѧ* (эти же слова в остальных случаях написаны «традиционно»: *борба*, *ребята*, *постеля*, *песня*)⁴. Некоторые написания отражают черты, свойственные говору: *ме ждвума* (ср. Тв. п. в современных записях: *горбушима*, *коробк'има*, *с эт'има бес'атыма*); наблюдается вариативность в твердости/мягкости основы прилагательных на *-н-*: *сегоднѧшнаго* — *разгулнѧго*, *съ далнѧго востока* — *съ далнѧго амура*. Эта вариативность

³ Изредка в функции *ь* употребляются буквы *и* и *ы*: *безъ милои жызнь вести*, *жызнь въ осаде Артура*; *жызнь свою* (жизнь), *нашь славныи вождѧ* (вождь).

⁴ Ср. также: *одилевиши* (одолевши), *болше носили все въ заплаткахъ* (бельё), *трудно поромъ о писать* (пером).

сохранилась в говоре до сих пор (*н'іжн'а, потколóдн'а, в'єрхн'ују* – *н'іжной, потколóдна, двухэтáжна, іхну*).

Отдельно была посчитана встречаемость пар гласных букв после шипящих и *ц*. Такой подсчет мог быть важен при решении вопроса о случайности-неслучайности написания этих букв после остальных согласных, однако результаты подсчетов в некоторых случаях оказались довольно неожиданны. Предварительно необходимо отметить, что для современного состояния говора характерны твердые шипящие [ж], [ш] во всех позициях, фонема <ц> в большинстве случаев твердая ([ц]), фонема <ч'> — мягкая, глухой долгий шипящий может быть твердым и (реже) мягким⁵.

В песеннике написания *эся, жю, шя, ця, цю* не встретилось. Единственное написание *шю* объясняется отсутствием разделительного *ь* (*сь плешю*), *ця* : *ча* соотносятся как 166 : 1, что вроде бы надежно говорит о мягкости *ч*, но *цю* : *чу* как 10 : 39.

2. Пара *о/е(ё)* требует особого рассмотрения.

Буква *ё* использована в песеннике ограниченно и только после мягких согласных⁶: *берёзе, зятёкъ, пёсь, верёвке, лёгъ, посерётке, всё* и пр.

Часто буква *ё* не используется: *избенки, все* (всё).

Написания *наплёчѣ, плѣче* (рифмующееся с *горячѣ*); *деревни пестѣревои* возможно трактовать как опisku: точки ставятся над гласным *е* в предшествующим *ѣ* слоге: *плѣче* вместо «плечѣ», *пестѣревои* вместо «пестерёвой».

Написание *угромъ (оборочюсь)* (угрѣм) могло соответствовать произношению.

На месте ударного [ó] после шипящих и *ц* находим следующие сочетания:

же : *жо* как 9 : 25 (*желтие, дружечикъ, тежелыи и жолтій, дружокъ, тежолые*).

ше : *шо* как 2 : 55 (*нашелъ, зашелъ – нашолъ, пошолъ, хорошо* и пр.).

Написания *жѣ, шѣ, чо* не встретились.

чѣ употреблено 7 раз, *че* — 36 (*очёмъ, чересплечѣ, горячѣ – очемъ, чертъ, черныи, девченка, крючекъ*).

В паре *це(цѣ)* : *цо* употреблено *цѣ* 1 раз (*накрыцѣ*); *це* : *цо* как 10 : 7 (*лицемъ, кольце, крыльце, молодцемъ* — все примеры с рифмой на *ó* — и *молодцовъ, съ отцомъ, колцомъ*).

Написание *о/е* в безударной позиции не показательно: либо оно отражает диалектное распределение твердых/ мягких основ прилага-

⁵ В 4 полевых тетрадах (около 400 стр., записи 1997 г.) *ӣ* : *ӣ'* соотносятся как 247 : 120, т. е. примерно как 2:1.

⁶ Примеры с *ѣ* после гласных мы опустили.

тельных (*нынешнее, далеко, еинему*), либо ёканье и заударное ёканье (*тежоло, старшой, съ надежою, нережотъ, съ девицою*)

3. Как уже говорилось, в тексте песенника невозможно проследить соотношение твердых/мягких согласных перед <е>: автор не использует знаки *э* и *ѣ*.

Буква *ѣ* встретилась только дважды во вставках, написанных другим почерком и представляющих собой адрес сослуживца Семушина — Н. Ф. Сторожева. Автор рукописи был, видимо, не знаком с «письменным», «не печатным» вариантом *ѣ* — *ь*. В некоторых случаях наблюдается «странное», неоправданное написание *ы* на месте *ѣ*, которое может быть объяснено тем, что Семушин, переписывая письменный текст, принял *ь* за *ы*: *подъ тыню* (тѣню), *при выюцымъ* (вѣющемъ), *всы* (всѣ), *всыми* (всѣми), *соболъзновоюшия* (соболѣзнующи), *уызда* (уѣзда) *вырнымъ* (вѣрнымъ), *мысностяхъ* (мѣстностяхъ), *мыры* (мѣры), *по меры* (мѣрѣ) и пр. В основном эти примеры сосредоточены в текстах № 83/73⁷ (обращение «дамского общества» «будзической отрасли» *правиньци нагато уызда тоѣура деревни тоѣхйгаси* к гг. русским офицерам) и в № (85)/75 (Манифест), что позволяет предполагать, что данные документы были переписаны с какого-то, подобного семушинскому, альбома. Надо отметить, что буква *ѣ* могла находиться в этих же текстах в большем количестве, однако она записана как *е*, а не как *ы*. Этому можно предложить несколько объяснений.

а) Семушин написал *ы* только в тех словах, которые он «не угадал», «знакомые» слова он писал в соответствии с произношением, т. е. употреблял букву *е*;

б) в переписываемой им рукописи написание *ѣ* (как «печатного» знака) и *ь* (как «письменного») использовалось как варианты (вариант *ѣ* автор не мог не знать: невозможно предположить, чтобы, умея писать, он не умел читать);

в) в переписываемой рукописи в качестве вариантов *ѣ* выступали *е* и *ь*⁸.

⁷ Первая цифра обозначает фольклорный текст в нумерации автора, вторая — его реальный номер; такое обозначение принято в готовящемся нами к публикации песеннике.

⁸ Во вставках-адресах, где присутствует написание *ь*, первый раз (л. 48об.) слово *Адресъ* написано через *ь*, а на л. 70об. через *е*: *Адресъ*; во втором случае дважды используется и *ь*: *уызда* и *Мьцапинъ*. Во втором случае отсутствует и / в отчестве: *Николай Федоровичъ Сторожевъ* — *Николай Федоровъ Сторожевъ*. Хотя между первой и второй вставками прошло, по-видимому, несколько лет (под вторым адресом стоит дата 1910 г.), а также повысился социальный статус *Сторожева* — из крестьянина он стал мещанином — можно предположить, что вариативность написания «ята» и «фить» у Сторожева существовала и до 1910 года. Отсюда не следует, конечно, что Семушин переписывал тексты 83/73 и (85)/75 непременно у Сторожева.

Таким образом, в тексте не встретилось ни противопоставления *e-э*, ни противопоставления *e-ё*.

4. Чрезвычайно показательна мена букв *и* и *ы*. Для обозначения фонемы <и> автор использует четыре знака: *и, ы, ѣ, ѣ* (в дальнейшем мы обозначаем последний знак как *і*). Буква *и* («жица») не встретилась.

Из более чем 270 примеров употребления *й* около 200 приходится на позицию после предшествующего согласного (остальные — в начале слова или после гласного). При этом встретился только один пример, в котором *й* написано вместо *ы* не после шипящего: *раскатй* (раскаты), в двух случаях *й* переправлено из *ы*: *бйль* (бил), *пйръ*, достаточно регулярно *й* встречается после шипящего: *решйль*, *душйть*, *вашймъ*, *напряжйй*, *опухййй* и пр.; *пшйй* (пшйи), *зашййтниковъ*, *подмушййнъ*; *отечййствомъ*, *начййна*, *почйятаю* и пр. В некоторых примерах *й* (так же, как и *и*) может означать как [и], так и [й]: *сблжйенйя*, *значенйя*, *благовенйя*; *въ йсполнения* и т. д. В любом случае здесь можно говорить о мягкости предшествующего согласного.

Из 78 случаев употребления *і* этот знак встретился 14 раз после согласных, 11 употреблений (согласный + *ій*) приходится на последний документ, Манифест⁹: *Россйскаго, польскйй, Фин^лъянскйй*¹⁰, *великйй, проявленйй, Высочайшйй*¹¹ и *Имперйй* (империи), *Россйй* (России), *устроенйю, на силйя*; вне Манифеста — *жолтйй, киньжовскйй*¹². В большей части примеров знак *і* употреблен после букв *и, ѣ* и др. и обозначает [й] или [і] (*жаркйй, русскйй, японййи, геройй, людей, россйю, осенйй, мойй, Божьййей*).

Мена знаков *ы-и* (*й, і*) осуществляется после букв, обозначающих согласные разного места и способа образования: после зубных смычных (*т, д*), зубных фрикативных (*с, з*), губных (*б, м, в*), плавных (*л, р*), носовых (*н*).

1) После *т, д*: *ти : ты* (местоимение «ты» — 4:61¹³), *Солтиков* (фамилия «Салтыков» — 20:9), *бестидница, стидновато, бутилку* (2), *мартшйики, тшйсечъ* (тысяч), *святшйна, восветшхъ нету, дшймъ* (дым), *дшйрахъ* (дырах), *дшйршва, азшйяшй, фортшй, крестшй, мечшй, плушй, картшй, ротшй, народшй* (народы), *походшй* (походы), *водшй* (водь), *раскатшй* (раскаты), *жешйше, жолтшй, счшйстшмъ* (с чшйстым), *съ разбшйшмшй, межъ крушймъ берегамъ, седшйе* (седые).

⁹ Всего в Манифесте 18 примеров употребления *і* (включая заголовки).

¹⁰ Исправление Семушина.

¹¹ На предыдущей странице: *Высочайшйй*.

¹² Р. ед. ж.; чуть выше в том же документе (№ 77/67) в такой же грамматической позиции *і* отсутствует: *оборона киньжовскшй позиции*.

¹³ Первая цифра обозначает количество «неправомерных» написаний, вторая — «орфографических».

Слова *подималъ*, *отискалъ* могли произноситься с йотом в корне (ср. в современных записях из Ямской Горы: *подѣитѣжыит'* и *подытѣжываца*).

Обратная замена (*ы* вместо *и*) встречается гораздо реже: *черты* (чёрты, 1:6), *радосты* (радости), *опасносты*, *попринадлежносты*, *третыи* (третий), *просты* (простѣ), *уиты*, *уиты* (уйти), *11 ты дюимовые*, *9 ты тысячъ*.

2) После *с*, *з*: *синъ*, *синокъ*, *синочѣкъ* (4 примера на 17 *сын-*), *въ сиру* (*въ сиру землю придала*; ср. при этом: *осыру землю*, *мать сыра земля*); *рассказивать* (3), *вызывалъ*.

Обратной замены нет.

3) После *б*, *м*: *биваетъ* (4:3), *билъ* ('был', 19:50), *битъ* ('быть', 3:10), *на побивку* (побывку), *оприбитие*, *билинка* (былинка), *кобила*, *бистрои*, *бонби*, *прозби* (просьбы), в частице *бы*: *чтоби*, *тудаби*, *убилиби*, *казалосби*; *промила* (промыла), *замисловъ*, *штурми* (штурмы), *насамихъ* (на самых).

Обратная замена: *любыль* (любил), *любыли*, *разбылась*; *мылои* (милой).

После *в*: *винуль* (вынул), *вишитъ* (5, 'вѣпить'), *вистрелъ*, *високаго*, *високо*, *вишому* (высшему), *вишель*, *вишоль* ('вышел', 2:7), *живи* (живы), *вживихъ* (2), *здорови*, *ласкови слова*, *нови краи*, (*не кустики*) *ракитови*, *кичливимъ*.

Обратная замена: *выжу* (2), *выдала* (видѣла), *подвыжничестве*, *развития*, *вылочки* ('вилки'), *вынтовка* (2), *девѣца* (2:13), *избавы* (избавь, избави).

4) После *л*, *р*. Замены после *л* достаточно редки: *пливуть* (плывут), *соколи* (соколы), *домогили* (до могилы), *светлие* (светлые).

Обратная замена: *вылыла* (вылила), *калына* ('калина' — пример из казачьей песни, возможно, здесь сказало украинское влияние).

После *р*: *ритца* (рыться), *рискалъ*, *забрикалась*, *выривалась*, *откриваетъ*, *открытъ* (открыть), *сизокрилье* (ср. также: *на крелечко* — 'крылечко'), *пригають* (прыгают), *гори* (горы), *которими*, *добримъ молодцемъ*.

Обратная замена, *ы* вместо *и*: *товарыши* (2:7), *закрычалъ* (*крык/ч-* : *крик/ч-* как 16:5), *хрышитъ*, *матеры* (матери), *говорытъ*, *по дбодрылься*, *прывела*, *прынуло*, *прыбыстрои*.

5) После *н*: *отчяинихъ* (отчаянных), *полотняние*.

Обратная замена, *ы* вместо *и*: *въ болнице*, *наезныкъ* (наездник), *внихъ* (в них), *по днымъ* (под ним), *с нымъ*, *преднымъ* (перед ним), *оны* (они), *однымъ*, *одныхъ* (одних), *волныцы*, *песня ваны* (Вани), *жизны* (3, Р. ед.), *казы* (казни), *помны*, *улыбныся*, а также *ближнихъ*, *весенны*, *последныи* (2) *средныи*, *синые* (синие), *нижnymi*, (ср. также *еинши спосопъ* — къ еинему здоровию).

6) Мены *и-ы* после *к, г, х* не встретилось: в документе отсутствует сочетание *кы, гы, хы*¹⁴.

7) Распределение *и-ы* после шипящих выглядит следующим образом:

ши : *шы* (на месте <ш>) соотносятся как 97 : 27 (сюда не включен единичный случай, когда *и* обозначает [j]: *шию* — ‘шью’),

жи : *жы* как 82 : 54,

чи : *чы* как 5 : 38,

чи : *чы* как 158 : 3 (*сытучьи, обычьи, казачьи* — ‘казачьих’).

Для говора писца, видимо, был характерен твердый долгий [ш]. Буква *щ* написана всего 15 раз в 14 словах, при этом трижды *щ* используется в сочетании с *и*: *ищеку, ищоголеватамъ* (вместо буквы *ш* — *покончивищы*), четырежды — с *ы* после *щ*: *щытали, при вынощымъ* (вешущем), *подлежащымъ* (вместо буквы *ш* — *Высочяищый*), 6 из 7 оставшихся случаев употребления *щ* совпадает с орфографической традицией: *пйщу, общества, будущаго, общяго, защищавшая* (вместо буквы *ш* — *и сполнящемъ* ‘и с полнейшим’). Во всех остальных примерах на месте *щ* встречаем *ши* и *ш*: *тешиша, ишеку, неспушишу, спушишатся* (‘спускаться’), *пиша* (пища), *мушины* (мужчины), *таваришь, кладбише, сушество, изменищица, помошь, вешей* (вещей), *прошаю, незапрешаю, обещаетъ, угошай, ташили, пушай* (пускай), *ишы, обшое, просяшимъ, еше бы* и пр. При этом написания *ши* : *шы* (<ш>) соотносятся как 37 : 14 (а *чи* : *чы* как 1:3).

В говоре Ямской Горы (как и во многих других архангельских говорах) спорадически встречаются полумягкие согласные, наблюдается вариативность позиционной мягкости/твердости согласного [р] (*р'в'эц'а, дв'эр'ц'и* — *обор'в'эсс'е, скат'ерт'е*¹⁵), губных согласных в некоторых определенных корнях: [м] (*м'едв'эди, м'едв'эдиц'а* — *мудв'эдица, мудв'эж'ата*), [п] (*п'ыл', п'ыл'и* — *п'ыл'и* ‘пыли’: *п'еску, п'ыл'и штоп н'е попал'о*). Обращает на себя внимание то, что, кроме случаев с [р], многие зафиксированные примеры отражают непозиционную мену твердости/мягкости согласных перед гласными переднего ряда. Возможно, в начале века эта вариативность была значительно шире, а к настоящему времени окказионально сохранилась лишь в нескольких корнях.

¹⁴ Имеются лишь два исключения, представляющие собой описки: *не скываи* (не скрывай) и зачеркнутое и тут же исправленное ~~отжкит~~ *открытымъ*.

¹⁵ Частотная для многих архангельских говоров вариативность мягкого/твердого *р* в корнях *кричатъ/крычатъ, кринка/крынка, крило/крыло* в говоре Ямской Горы не зафиксирована: там будет *кр'ич'ат', крыло, крыл'ц'о*.

Возьмем на себя смелость предложить следующие выводы.

Затруднения, связанные с выбором букв *и-ы*, могут иметь фонетические причины:

а) либо в начале века согласные перед гласными переднего ряда оставались полумягкими (и тогда выбор гласной буквы был безразличен);

б) либо, перед окончательным распределением согласных по твердости/мягкости в этой позиции, существовала вариативность их произнесения, нашедшая отражение в песеннике;

в) эта вариативность касается шипящих и *ц*.

Для каждой группы этих согласных существуют свои отклонения. Наиболее «последовательным» в документе выглядит <ц>: звук [ц] следует признать твердым. Отклонения — *це (цѣ):цо* как 11:7.

Для <ч> отклонения неожиданно касаются распределения букв *у-ю* (39:10) (хотя в остальных примерах по всему документу распределение *у-ю* после твердых/мягких согласных проводится весьма последовательно), в других сочетаниях с гласными [ч'] предстает как мягкий.

Фонемы <ж> и <ш> оказываются последовательно твердыми везде, кроме сочетания с *и-ы*. Напомним: *жи : жы* (82 : 54), *ши : шы* (97 : 27)¹⁶. Следует ли из вышесказанного, что [ц] (<ц>) был твердым везде, кроме позиции перед [о]; [ч'] — везде мягким, кроме как перед [у]; [ж] и [ш] твердыми везде, кроме как перед [и]?

По данным современных исследований в некоторых говорах шипящие оказываются мягкими (или полумягкими) перед гласными переднего ряда¹⁷. Мы допускаем, что вариативность написаний *ши/шы* и *жи/жы* в исследуемом документе могла отразить вариативность мягкости/твердости шипящих в этой позиции. «Отклонения» при написании *чо/чу, цо/це* могут быть связаны с явлением цоканья¹⁸. Примеры цоканья в исследуемом документе немногочисленны: *сердецо* (2), *шепцеть* (шепчет), есть случай исправления *ц* на *ч*: *мужичекъ*. Для говора характерно отсутствие «последовательного» цоканья, вариативность в произношении *ч'//ц'* на месте <ч'>, в том числе и у неграмотных информантов. Фонема <ц> представлена [ц'] (*nm'úц'*), так же как и сочетание фонем: *с'емн'áц'етом*) и [ц] (*мудв'éd'ица, от'éc*),

¹⁶ Апелляция к орфографии представляется неуместной для данных буквенных сочетаний (впрочем, как и в других примерах), т. к. в таком случае носит выборочный характер (автор последовательно употребляет *я* после *ч*).

¹⁷ См., например, Дialeктологический атлас русского языка. Вып. I (М., 1986), карта 63: «Мягкие звуки в соответствии с *ш, ж*».

¹⁸ О. Г. Гецова считает, что та высокая «скорость», с которой цоканье в северных говорах уступило место различению фонем <ц> и <ч>, может быть объяснена вообще отсутствием цоканья (в общепринятом смысле этого термина); различие могло (и может) существовать на уровне, нефонологичном для «уха» диалектолога (из устных бесед).

<ч'> — [ц'] (*ноу'ис'т'илас', ф пор'одоу'ке, молоу'ка*), [ч'] (*ч'елов'ек, руч'еч'к'и*), редко твердым [ц] (*ц'елов'ека*) и твердым [ч]: *д'евочка*. Часто слитный произносится в палатальной зоне и слышится как шепелявый, средний между [ч'] и [ц']: [ц"], [ч"]: *нау"ал'н'ик'и, отм'ец"ајуца, д'евоу"ка, ц"истó, р'апч"ик, с'еч"ас*, при потере затвора — [ш'].

Несохранение к концу века в говоре Ямской Горы непозиционной мены твердых/мягких согласных (или наличия полумягких согласных) может быть объяснено вневлигвистическими причинами, например, значительной миграцией населения. С одной стороны — жители постоянно были вынуждены покидать родные места: все наши информанты (1918–1935 годов рождения) — колхозники, принимавшие активное участие в обязательных общественных работах, предполагающих многомесячные выезды из деревни. Это и оборонные работы во время войны (жителей Ямской Горы отправляли в Вологодскую область), и работа «на сезонах» в пределах Архангельской области: «зимой» (с октября по май) — на лесозаготовках, «летом» (с мая по октябрь) — на лесосплаве. Проживание в общих бараках, безусловно, способствовало нивелировке наиболее ярких фонетических черт. С другой стороны, с 60-х годов Ямская Гора оказалась на *широком месте* — через нее прошло шоссе Москва – Архангельск (сейчас оно отнесено на 1,5 км в сторону), а при укрупнении колхозов село оказалось центральной усадьбой, что также способствовало притоку жителей из ближайших деревень и перемешиванию населения.